

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ХАНСОМ-ПЕТЕРОМ МЮЛЛЕРОМ

— Профессор Мюллер, Ваши интересы как ученого-социолога разносторонни. С одной стороны, Вы занимаетесь историей социологии, написали много трудов о Максе Вебере. Недавно Вы издали книгу о Пьере Бурдьё, еще раньше — работы о Дюркгейме. Вы — соредактор фундаментальной работы «Энциклопедия социальной теории», вышедшей в издательстве Routledge в 2004 г. С другой стороны, Вы занимаетесь такими проблемами в социологии, как образование, труд, модернизация. Этот список можно еще долго продолжать. Откуда у Вас такая профессиональная разносторонность? При этом Вы совмещаете научную работу с административной: в 1990-е и 2000-е гг. Вы создали и несколько лет возглавляли Институт социальных наук Берлинского университета имени Гумбольдта, в 1997–1999 гг. — кафедру Макса Вебера в университете Нью-Йорка (США). Кроме того, Вы преподавали в Римском университете Ла Сапиенца, Калифорнийском университете в Беркли, других известных университетах, проводили исследования в Принстонском университете и т. д. Это не говоря о том, что с 1992 г. Вы — главный редактор созданного Вами «Берлинского журнала социологии», а также член множества престижных комиссий и комитетов.

Российским читателям будет интересно узнать о Вас как об одном из видных представителей послевоенного поколения немецких социологов.

Прежде всего, как Вы стали социологом? Кто или что подтолкнули Вас к этому выбору?

— Я изучал экономику и социальные науки в университете Аугсбурга в 1972–1977 гг. Это был новый университет, открытый реформированию. Поэтому моя программа «WISO» («экономические и социальные науки») объединяла в учебном плане бизнес-администрирование, или микроэкономику, макроэкономику, социологию, психологию, статистику, математику и юриспруденцию. В конце концов я решил специализироваться в макроэкономике, социологии и психологии — это называлось «социоэкономика». Диплом я писал по социологии: «Господство и легитимность в современных

индустриальных обществах», эта работа стала и моей первой книгой. Я выбрал социологию из чисто интеллектуального любопытства: мне казалось, эта дисциплина ставит правильные вопросы, в то время как макроэкономика, особенно ее теоретическая основа, которой я интересовался, казалась мне слишком отдаленной от социальной реальности — чем-то вроде «платонистического моделирования», по Хансу Альберту.

Моя семья надеялась, что я стану адвокатом, так как в школе я научился убедительно отстаивать свои интересы и постоянно делал это дома. Однако я сделал выбор в пользу экономики и социальных наук. Пока я учился в университете, я представлял свое будущее в сфере бизнеса или в академической сфере, где получал бы новые знания для критической рефлексии о политике и обществе. В конечном счете, интеллектуальные интересы взяли верх, и я довольно рано решил стать профессором социологии, конкретно — в области социальной теории. Однако я недооценил удручающую ситуацию на рынке труда в сфере высшего образования. Мои профессора предупреждали меня, как в «Речи к выпускникам» Вуди Аллен: «Хватайся за возможности!» Из-за довольно безответственной политики университетов в 1970-е гг. «поколение-68» заняло все кафедры почти сразу, без прохождения хабилитации (защиты второй диссертации — *прим. пер.*) — такого никогда не случалось раньше в немецкой академической системе. Как следствие, в 1980-е гг. было очень-очень мало конкурсов на заведование кафедрами. Поэтому 1989 год, когда пала Берлинская стена и началась реконструкция социологии в восточногерманских университетах, стал спасением для моего поколения социологов. Мне повезло: я подал заявление только в Берлинский университет Гумбольдта и сразу получил кафедру социальной теории, хотя тогда мне было 39 лет и для такой должности я считался слишком молодым.

В годы моего становления в университете Аугсбурга на меня оказали влияние многие люди. Интересно, что это были не профессора, у которых едва ли было время для нас, студентов. Мы слушали лекции профессора Хорста Райманна, перешедшего из университета Гейдельберга, и профессора Петера Аттесландера, который учился социологии у Рене Кёнига в университете Кельна. Однако реальное влияние на нас оказали молодые талантливые ассистенты, такие как Бернхард Гизен, Михаэль Шмид или Рихард Мюнх, — позднее все они стали известными профессорами социологии. Так, мы изучали, с одной стороны, методологию и эпистемологию, преимущественно в традиции критического рационализма (Поппер, Альберт, затем — Кун и Лакатос), а с другой — критическую теорию (Хабермас, Оффе). Я лично сразу стал поклонником Макса Вебера из-за его аналитической глубины и критического реализма. Семидесятые годы были временем идеологических сражений, и влияние Вебера состояло в «пафосе дистанции» (Ницше) и ценностной свободе: если события и явления касаются тебя слишком близко, сохраняй спокойствие и критическую дистанцию. Когда первокурсники начинали горячо и эмоционально спорить, мы говорили им: «Vetroffen, besoffen!» («кто задет за живое, ведет себя как пьяный»). Хороший социолог — не тот, кто принимает желаемое за действительное, а тот, кто умеет проводить тщательный и трезвый анализ. Социология — это «реальная политика». Это качество в значительной мере отличает

социологию от близких ей дисциплин — юриспруденции (нормативной по своей природе) и экономики (нормативной по духу: «Бог есть рынок!»).

— *Какие книги оказали на Вас существенное влияние?*

— В молодости я много читал, особенно романы — русские (Шолохов, Толстой, Достоевский, Тургенев), французские (моралисты, Флобер, Сартр, Камю), швейцарские (Макс Фриш и Фридрих Дюрренматт) и немецкие (Гете, Шиллер, Гейне, Брехт, Генрих и Томас Манны, Бёлль и Грасс, и больше всех — Роберт Музиль). По мере того как я становился старше, Музиль и Гете становились для меня более важными, как и Марсель Пруст.

— *Расскажите, пожалуйста, о своей профессиональной карьере. Что, по Вашему мнению, является ее вершиной?*

— Я получил аттестат зрелости в 18 лет в Ханау, недалеко от Франкфурта-на-Майне. Пошел в армию добровольцем на два года, чтобы получить звание лейтенанта и сэкономить деньги для учебы в университете. По окончании университета Аугсбурга я поступил в университет Гейдельберга для написания докторской работы по социологии у Вольфганга Шлюхтера. Наше поколение очень интересовалось социальной теорией, и Шлюхтер был для нас выдающимся молодым профессором того же уровня, что Юрген Хабермас или Никлас Луман. В Гейдельберге, вместо того чтобы продолжать мое исследование Вебера, я написал диссертацию по Эмилю Дюркгейму. Для этого поворота от Вебера к Дюркгейму имелось две причины. Во-первых, Дюркгейм был и остается недооцененным в Германии как классик социальной теории и социологии. «У нас есть Маркс, Вебер, Зиммель — зачем нам нужен Дюркгейм?!» — такое отношение, как мне кажется, преобладает в немецкой социологии.

Во-вторых, мне хотелось более детально исследовать известный тезис Парсонса о конвергенции. В выдающейся работе «Структура социального действия» (1937) Парсонс утверждал, что все классики так или иначе приходили к концептуальной схеме, которую он назвал «волюнтаристской теорией действия» и которую он в итоге систематизировал в форме знаменитого «единичного акта». Один из содержательных аргументов тезиса о конвергенции утверждал, что концепты «харизмы» у Вебера и «сакрального» у Дюркгейма структурно эквивалентны, так как оба они стараются раскрыть секрет создания ценности. Как рождаются ценности? Каковы механизмы, стоящие за процессом возникновения «желаемых состояний»? Между тем эпистемологическое и методологическое различие между ними состояло в том, что Вебер рассуждал, исходя из позиции методологического индивидуализма, а Дюркгейм — методологического коллективизма, или холизма. Это и стало отправной точкой моей диссертации. Однако погружение в объемное творчество Дюркгейма — большинство его работ тогда еще не были переведены — привело меня в богатый мир французской социальной теории. В конечном счете, я попытался обосновать утверждение Рене Кёнига, что Дюркгейм был, прежде всего, теоретиком кризиса. Поэтому второй книгой, положившей начало моим долгосрочным исследованиям Дюркгейма, стала «Wertkrise und Gesellschaftsreform. Émile Durkheims Schriften zur Politik» («Ценностный кризис и реформа общества. Работы Эмиля Дюркгейма о политике», Stuttgart, 1983). Поскольку большая часть его наследия была еще не переведена, мы с Вернером Гефартом, Хансом Йоасом, Куртом Майе-

ром и Михаэлем Шмидом создали исследовательскую группу. Благодаря Фонду Вернера Реймерса мы регулярно встречались в Бад-Хомбурге и приглашали туда самых известных исследователей Дюркгейма со всего мира (в том числе Джеффри Александера, Энтони Гидденса, Стивена Люкса, Виктора Каради, Филиппа Беснара, Бернара Лакруа). Кроме того, мы занимались переводами. Так, Михаэль Шмид и я заново перевели «О разделении общественного труда», поскольку первый перевод содержал много ошибок. Луман написал к переводу введение, мы — послесловие. Ханс Йоас перевел лекции Дюркгейма по прагматизму и написал к ним поясняющее послесловие. Я был научным редактором перевода известных дюркгеймовских лекций «*Leçons de sociologie. Physique des mœurs et du droit*» («Лекции по социологии. Физика нравов и права», на русском не издавались) и также написал послесловие, в котором доказывал, что эти лекции составляют внутреннее ядро дюркгеймовского мышления. Тот, кто хочет понять точку зрения и миссию Дюркгейма, должен изучить эти лекции.

После защиты диссертации я начал работать с Хансом Бертрамом в Военном университете в Мюнхене (университет Бундесвера). В эти годы мои интересы сместились из сферы классической социальной теории к социальному неравенству. Мы с Х. Бертрамом написали широкую исследовательскую программу по теме «Труд, семья и образ жизни», где проследили эмпирические исследования в Германии, с одной стороны, в сфере труда и профессий, и с другой — в сфере семейной жизни. У нас была двойная цель: во-первых, методически мы пытались совместить данные по этим вопросам; во-вторых, содержательно мы хотели проследить траекторию труда и семейной жизни за последние сорок лет после Второй мировой войны, чтобы изучить возросшее разнообразие паттернов образа жизни статусных групп в Германии. Мы не завершили этот грандиозный и, возможно, нереализуемый проект, но оба зацепились за вопросы, поднятые в проекте. С тех пор Ханс Бертрам стал одним из наиболее важных социологов семейной жизни в Германии (и за рубежом), а также моим коллегой по университету Гумбольдта. А я все больше занимался отношениями социального неравенства и разных стилей жизни, образованных неравным распределением материальных и культурных ресурсов среди статусных групп. Наше сотрудничество прервалось, когда Ханс стал директором Немецкого института молодежи в Мюнхене, а я уехал в США.

В 1986—1987 гг. я получил престижную стипендию имени Кеннеди от Гарвардского университета, чтобы завершить мою реабилитационную работу. Примерно в то время Пьер Бурдьё пригласил меня поработать с ним в Париже после того, как я получил контракт (совместно с Энтони Гидденсом) на написание книги о Бурдьё для Polity Press. Однако мне пришлось отклонить это заманчивое предложение, потому что я должен был пройти реабилитацию в Германии. Поэтому, вместо того чтобы ехать в Париж после года, проведенного в Гарварде, я поехал... в Гейдельберг. Я начал работать там ассистентом профессора на кафедре профессора М. Райнера Лепсиуса и прошел реабилитацию под руководством Лепсиуса и Шлюхтера в 1990 г. Написанная мной третья книга называлась «*Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere Diskurs über soziale Ungleichheit*» («Социальная структура и стили жизни. Новый дискурс социального неравенства», Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992). В этой книге я рассматривал современ-

ный дискурс о социальном неравенстве. В теоретическом плане я сравнил классические структурные теории (например, Питера Блау) с новыми, «структуралистскими» (Гидденс, Бурдье), и аргументировал, что вторые лучше подходят для решения проблемы «микро-макро». В содержательном плане я утверждал, что фокус на образе жизни («*Lebensführung*», по Веберу) позволяет лучше показать социально-структурные изменения в обществе и их влияние на стиль жизни, чем классические стратификационные и классовые теории. В результате этой дискуссии в немецкой социологии появился ряд эмпирических исследований о трансформации социальной среды и стилей жизни.

После хабилитации я получил временную профессиру в Гиссене и Манхайме, а затем мне посчастливилось получить кафедру социальной теории в университете Гумбольдта, где вместе с коллегами мы создали Институт социальных наук — социологии и политической науки. Тогда же я стал главным редактором журнала «*Berliner Journal für Soziologie*»: это был новый журнал, который появился после падения Стены. В целом, для университета Гумбольдта это были творческие, но трудные годы, потому что приходилось все создавать с нуля. Однако многим ли дается в жизни шанс создать институт? У меня была уникальная возможность. Благодаря первому поколению профессоров, среди которых был я, сегодня НУ-Berlin является одним из лидирующих университетов в Германии.

В 1997–1999 гг. я получил должность приглашенного заведующего кафедрой Макса Вебера в университете Нью-Йорка и исследовательскую должность в Принстонском университете. Хотя впоследствии я сумел еще несколько раз получить статус приглашенного профессора, кафедра Макса Вебера, безусловно, была вершиной моей карьеры. В течение этих двух лет я организовал в Нью-Йоркском университете шесть рабочих семинаров, в том числе с Ричардом Сеннетом и Тони Джадтом в Институте Ремарка. В 1998 г. мне даже удалось организовать международную конференцию, посвященную 150-летию «Манифеста коммунистической партии», — большое событие для США, о котором даже передавали в федеральных новостях по «ABC» и вышла передовица в *Le Monde*: «*Karl Marx se manifeste — à New York!*» В 1999 г. мы организовали с Уолтером Хиндерером и Эзрой Сулейманом из Принстона большую международную конференцию «50 лет демократии в Германии» в Школе имени Вудро Вильсона в Принстонском университете, где встретились высокопоставленные немецкие и американские политики, менеджеры и банкиры из Германии и ученые-обществоведы. Эта конференция была моим прощанием с Принстонским университетом, который гостеприимно принимал меня в течение двух лет.

По возвращении в университет Гумбольдта мы развернули несколько крупных издательских проектов. Одним из них стал совместный с М. Шмидом учебник по ключевым работам в исследовании неравенства («*Hauptwerke der Ungleichheitsforschung*», Wiesbaden, 2003). Другой подобный проект — хрестоматия по проблемам гражданства, совместно с Юргеном Макертом (Wiesbaden, 2007), где мы собрали основные международные исследования по проблемам гражданства. Это была книга, опередившая свое время, потому что при нынешнем «кризисе беженцев» она бы могла помочь зашедшим в тупик политическим лидерам Германии и Европы. Еще один большой, занявший много времени про-

ект — «Международная энциклопедия социальной теории» (Routledge, Keegan & Paul, 2004), которую я редактировал совместно с Остином Харрингтоном и Барбарой Маршалл. Остин был в это время стипендиатом в нашем университете, и мы вместе тесно сотрудничали с нашими авторами и издательским домом.

Следующим большим проектом стал «Справочник по Макс Веберу» со Штеффеном Зигмундом из Гейдельберга — книга вышла в 2014 г., к 150-летию со дня рождения Макса Вебера. Эта книга предназначена как для студентов, так и для исследователей, поскольку она сочетает те знания, которые мы накопили примерно за 50 лет, и достижения Полного собрания сочинений Вебера. Сегодня Вебер считается самым важным социологом всех времен — и на глобальном уровне тоже. Во Введении мы проследили эту «историю успеха» и попытались показать, почему Вебер так важен.

— *Как Вам удается совмещать преподавание, научные исследования и многие другие профессиональные обязанности?*

— Честно говоря, я и сам не знаю! Многозадачность и постоянный труд. Сегодня профессор в Германии — это и преподаватель, и исследователь, и менеджер, и психолог (для студентов и аспирантов), а также администратор, консультант и публичный интеллигент. Работа требует преподавать днем и заниматься исследованиями ночами или в выходные дни, и на практике — это постоянная коммуникационная перегруженность, потому что слишком много людей хотят от вас слишком многого, нетерпеливо и одновременно. По счастью, у заведующего кафедрой в Германии есть секретарь, преподавательские и исследовательские ассистенты. Преподавательская нагрузка в 9 часов в неделю с неограниченным и растущим количеством консультаций со студентами создают ситуацию Сизифа. Если бы не молодые люди — а среди них всегда есть умные студенты, хотя в целом уровень общего образования, как мне кажется, падает (во всем мире), — эта работа могла бы стать слишком изматывающей. (Мое видение: быть профессором — значит постоянно заниматься «самоэксплуатирующей самореализацией»!)

— *Какие из своих опубликованных книг или статей Вы оцениваете как самые важные?*

— Книги — как дети: любишь каждую. Если судить с точки зрения оказанного влияния, «Социальная структура и стили жизни» (1992) была влиятельной книгой. По той же причине мое систематизирующее введение к «Максу Веберу» (2007) было хорошо принято, и надеюсь, моя новая книга «Пьер Бурдьё» (2014) тоже будет хорошо принята. «Справочник по Макс Веберу» (2014) заставил немало потрудиться, но я считаю его крупным достижением, потому что он открывает доступ к знанию и экспертизе, которые имеются сегодня о самом важном социологе мира. Это «приглашение к веберизму»! На международном уровне «Энциклопедия социальной теории» (2004) стала вехой, поскольку мы попытались охватить не только англо-американских, но и европейских авторов. В результате нам пришлось проделать значительную редакторскую работу, чтобы привести все статьи к единому уровню.

— *Если обобщить, какими темами Вы занимались раньше и теперь? В каких проектах на национальном и международном уровнях участвовали? И как Вы сочетаете эти два уровня в своей деятельности?*

— Мои главные темы — классическая и современная социальная теория, социальное неравенство и социальная справедливость, политическая и культуральная социология. Сам себя я представляю как человека, который, кроме преподавания и исследований, любит создавать новые институты и сети. Моим самым важным проектом был и есть «Берлинский журнал социологии», который я рассматриваю как профессиональный и интеллектуальный журнал. Чем более развита дисциплина, тем больше становится компромисс между профессионализмом и интеллектуальной широтой. По этой же причине я сотрудничаю с франко-немецким онлайн-журналом «trivium» (<http://trivium.revues.org/>), в котором печатаются переводы статей по общим темам с немецкого — на французский и с французского — на немецкий, обходясь без вездесущего английского. В 1990-е гг. Бернд Вегенер, Герффрид Мюнклер и я создали исследовательскую сеть по эмпирическим исследованиям социальной справедливости. Мы с Берндом стали редакторами сборника по социальному неравенству и социальной справедливости (1995). Сейчас у нас новый проект по образу жизни («Lebensführung»).

— *Поделитесь, пожалуйста, Вашим впечатлением от преподавания за рубежом. Можете ли Вы определить различия между социологическим образованием в Германии, Италии, США и других странах, где Вы читали лекции или вели исследования?*

— Преподавание за рубежом всегда доставляет больше удовольствия, нежели дома. Почему? Потому что, как правило, преподаешь только один курс, в США размер магистерских и аспирантских курсов ограничен 12 студентами, вместо четырех-пяти курсов одновременно в немецком университете. Дома на каждый курс записывается минимум 50 студентов. За рубежом студенты и профессора больше заинтересованы в том, чтобы получше узнать друг друга. Хотя уровень образования и усердия могут сильно различаться. Лучшие мои студенты были, с одной стороны, в США (возможно, это искаженное впечатление, потому что я преподавал только в элитных университетах — Гарвард, Принстон, университеты Нью-Йорка и Беркли), и, с другой стороны — в Германии, в университете Гейдельберга и университете Гумбольдта — и пусть это не покажется преувеличением! Университеты сегодня раздают «учебные кредиты» и не обязательно учат студентов мыслить научно. Но с моей точки зрения, это единственная достойная задача, оправдывающая тяжелый труд преподавания. Тот, кто прошел через хороший университет, должен мыслить иначе, чем до того, и должен заменить здравый смысл (и предрассудки) интеллектуально хладнокровной любознательностью (и открытостью мышления). Хорошая новость — в том, что интеллигентные молодые люди встречаются везде.

— *Как бы Вы определили основные проблемы современной социологии на глобальном уровне? На Ваш взгляд, имеет ли место кризис в развитии социологии?*

— Поскольку не существует глобального общества, не может быть и глобальной социологии. Есть конкретные общества и социологии, то есть разные социологические традиции. Чем больше социология пытается выразить себя на глобальном уровне, тем больше она становится нормативной — иными словами, малозначимой. Главные характеристики этой «нравоучительной беседы», преподносимой как научный анализ, — размышления о желаемом, а не о дей-

ствительном, и совсем мало анализа; критиканство вместо построения теории. Актуальные проблемы мира сегодня разнородны и запутанны. Назову только шесть из них: 1) демографический кризис и перенаселение Земли, включая массовую миграцию; 2) климатический кризис и глобальное потепление; 3) экономический кризис и нестабильность капиталистической системы; 4) рост социального неравенства и все еще огромная бедность; 5) растущий разрыв между Западом и остальным миром; 6) нарастающие разломы во всех частях мира и, по-видимому, растущее признание насилия как способа решения проблем. Таков далеко не полный список наиболее острых проблем сегодня. Социология старается их разрешить, но ей не хватает дальновидности и перспективы, чтобы создать согласованную и всестороннюю интерпретацию этих знаков времени. Сегодня у нас нет ни Карла Маркса, ни Макса Вебера, но чтобы создать что-либо значительное и великое, нам понадобятся такие фигуры интеллектуалов в XXI веке.

— *Каковы роль и место немецкой социологии в немецком обществе? Является ли она «публичной социологией» или остается скорее академической? Каковы основные парадигмы, используемые в немецкой социологии?*

— Это сложный вопрос. Можно получить на него разные ответы в зависимости от позиции того социолога, которому задаешь этот вопрос. С точки зрения эмпирических социальных исследований, социология весьма влиятельна в немецком обществе. Однако если в публичном дискурсе упоминаются дисциплина или исследователи, то обычно это обобщенные «социальные ученые». В этом смысле социология — влиятельная, но почти невидимая в тени всех социальных наук дисциплина. У теоретического дискурса сегодня не хватает мощи, чтобы стать публичным и широко распространиться среди непрофессионалов. С точки зрения своего положения, социология — это «наука-пария» (Пьер Бурдьё). Если спросить у людей на улице, многие скажут, что либо не знакомы со сферой социологии, либо даже скажут, что мир стал бы лучше без социологии.

Основные парадигмы в Германии сегодня разнообразны. Во-первых, есть микросоциология, включающая феноменологию, социальный интеракционизм, герменевтику и т. п., но эта сфера лишена понятия общества или мирового общества, потому что горизонт этих теорий, по-видимому, ограничен жизненным миром. Во-вторых, есть мир функционализма и теории систем, и Луман как основной представитель последней — выдающийся немецкий социолог. В-третьих, существует традиция теории дифференциации в разных ее вариантах, основанных на теории систем (Луман) или теории действия (Вебер). В-четвертых, имеется парадигма социального неравенства, которая главным способом понимания общества полагает различия в доступе и неравном распределении ресурсов. В-пятых, существует парадигма рационального выбора, которая сильнее проявляется в экономике и политической науке, чем в социологии. В-шестых, есть критическая теория разных поколений, от Адорно и Хоркхаймера до Хабермаса и Хоннета. Для критической теории типична попытка обозначить патологии нашего общества и предложить средства, способные сгладить самые болезненные расколы в обществе. Этот «моральный» подход всегда привлекает молодежь, политически вовлеченных людей, которые

хотят изменить мир. В одном строю с критической теорией я бы назвал пост-структурализм и неопрагматизм, пришедшие из Франции и США. Главные фигуры в этих направлениях — Фуко, Делез, Деррида; Джеймс и Дьюи.

— *Что Вы думаете о роли таких организаций, как Международная социологическая ассоциация и Европейская социологическая ассоциация? Являются ли они открытыми для всех или выглядят как элитные клубы для наиболее успешных ученых?*

— На мой взгляд, МСА и ЕСА — важные международные и европейские организации, которые помогают, особенно молодым людям, завязывать связи по всему миру и поделиться своими результатами. Это далеко не закрытые клубы.

— *Что бы Вы сказали о будущем социологии как науки? Будет ли она служить компасом для развития общества или только рефлексировать по поводу прошлого и эмпирически описывать настоящее? Сохранит ли социология привлекательность для студентов?*

— Будущее социологии неопределенно. Социология в значительной мере потеряла свою «сексуальную привлекательность», и чем больше она становится моралистской, тем менее серьезно к ней относятся в обществе. Нам критически необходимы сегодня новые перспективные теории и конструирование теории. Мы знаем все больше и больше о все более мелких вещах благодаря специализации и эмпирическим исследованиям. Но значение и важность результатов необходимо обсуждать и интерпретировать. Это действительно может стать задачей для «публичной социологии» в традиции Чарльза Миллса в прошлом или Майкла Буравого — в настоящем. Социология во многом уступила свое политическое и общественное влияние экономике и юриспруденции, а в недавнем прошлом — и естественным наукам благодаря их стремительным технологическим достижениям. Социология — это всегда социальная наука о настоящем, в отличие от историографии — социальной науки прошлого. Но мы должны быть внимательными и не отставать от новых технических достижений и социального развития в современных обществах, если мы не хотим рисковать будущим нашей науки.

Сегодня мы можем наблюдать эту реакцию социологии, опаздывающей за обществом: «структурный консерватизм», оплакивающий «мир, который мы потеряли» (Питер Ластер) — мирное сосуществование, экономический рост, свободу — даже если диагностика кризисов, отчуждения и аномии в нашем обществе есть и будет уместной. Эта нормативная и «критическая» грань является частью основы социологии как «науки кризиса» (Дюркгейм) — в том смысле, что социология как наука имеет неотъемлемую, четко очерченную миссию и точку зрения как «моральная наука» — но не морализаторская или пессимистическая (типичный пример мыслителя «эпохи упадка», который живописует гибель современности в серии пессимистических книг, — Зигмунд Бауман).

— *И все же — Вы оптимистически или пессимистически смотрите на современное развитие? После процесса унификации Германии были позитивные ожидания относительно объединенной Европы и миролюбивого глобального развития мира. Сегодня мы снова являемся свидетелями кровавых конфликтов, войн и конфликтов. Эти явления случайны или они предопределены противоречивой природой эпохи модерна?*

— В настоящее время достаточно трудно оставаться оптимистом, принимая во внимание количество и качество конфликтов в мире. Видимо, Европе предстоят сложные времена. Из-за массовой миграции состав населения Европы будет стремительно изменяться, а доля мусульман с Ближнего Востока и африканцев с Юга будет увеличиваться. Поэтому европейские общества, возможно, станут более религиозными, криминальными и полными насилия, и, таким образом, потеряют часть своего цивилизационного качества. Кажется, что Европа вот-вот готова импортировать «столкновение цивилизаций», по Хантингтону, в самое свое сердце. Вполне возможно, что в недалеком будущем мы обернем вспять эволюционные стадии развития Герберта Спенсера. В 1990 г. мы лелеяли надежду, что мир станет более процветающим, демократичным и миролюбивым — в терминах Спенсера, все более похожим на «индустриальные общества», или, как сказали бы сегодня, «информационные общества». Нынешний водоворот в мире, однако, заставляет задуматься, не возвращаемся ли мы к «военным обществам», так как наши общества становятся беднее, авторитарнее и полными насилия. Даже Третья мировая война, казавшаяся невообразимой в годы «холодной войны», возвращается как вероятный вариант развития событий, к которой может привести цепь неудачных событий, которые никто не планировал и не желал. Сегодня трудно вообразить, какими могут быть эти факторы или события. Сценарий такой катастрофы вполне может повторять подобную трагическую цепь событий, которая привела к Первой мировой войне: глобальная капиталистическая система делает богатых этого мира еще богаче, но 99 % остаются жить в хронической нестабильности, которая сотрясает мир экономическими кризисами, идущими один за другим и особенно негативно сказывающимися на развивающихся странах. Таким образом, один мировой раскол, безусловно, пролегает между глобальным Севером и Югом. Однако самый большой вызов брошен сегодня исламским миром. Войны в Сирии и Ираке превратились в воинственные конфликты между суннитами и шиитами, а победителями в этих конфликтах, параллельно спонсирующими международный терроризм, являются Саудовская Аравия и Иран. Эта война с ее отзвуками и последствиями для всего остального мира может длиться очень долго, как Тридцатилетняя война в Европе. Однако любая война — это, безусловно, враг развития.

— *Что бы Вы посоветовали молодым социологам?*

— Трудно дать конкретный совет молодым социологам, потому что мир очень быстро меняется. Однако вот что остается неизменным. Изучайте как можно больше социальной теории, методов и содержательных сфер, которыми интересуетесь. Изучайте философию, историю, литературу и не торопите события. Не учитесь слишком быстро и слишком поверхностно!

Не спешите на рынок труда, пока вам почти не стукнуло 30 лет, потому что вполне может оказаться, что вы доживете до 90 или ста лет благодаря постоянному росту продолжительности жизни. Принимая во внимание непрочность сегодняшней пенсионной системы, будьте готовы работать до самой смерти. Поэтому не начинайте работать слишком рано; сначала побольше поучитесь. «Учиться, учиться, учиться» — что может быть важнее? Кажется, что взгляды Руссо, высказанные в его романе «Эмиль», сегодня воплощаются в жизнь.

Интервью с профессором Хансом-Петером Мюллером

Культурный капитал, который вы воплощаете в своей личности, — единственная собственность, которую ни общество, ни государство не будут в силах у вас отнять. Он полностью принадлежит вам, и даже если он послужит только на пользу развитию вашей личности или характера, а не вашей карьере, все равно он будет много значить. Все другие мирские ценности в виде статусных приобретений — только иллюзия в примитивном мире денег и потребительства.

— *Каковы Ваши собственные профессиональные планы на ближайшее будущее?*

— Мои профессиональные планы — меньше работать и больше размышлять. Но, видимо, с этим придется подождать, пока я не выйду на пенсию в 68 лет. А пока что мы ведем проект по изменению образа жизни в Германии и Европе вследствие стремительных социальных изменений, которые мы предвидим. Это веберовская тема, и она связана с размышлениями о «хорошей жизни». Нам интересно социальное конструирование смысла и создание значений, которые разные статусные группы придают своей жизни. Руководим ли мы сами своей жизнью или что-то ведет нас по ней? Социологический поворот в этом проекте — социальное неравенство. Материальные и культурные ресурсы, необходимые для успешной жизни, распределены очень неравно, и поэтому представляется интересным изучить, как люди используют различные варианты и шансы (или их отсутствие) проживания собственной жизни.

— *Большое спасибо за интервью!*

Берлинский университет имени Гумбольдта, август 2015 г.

*Интервью провела и перевела с английского языка
доктор социологических наук,
профессор Л.Г. Титаренко*